

Минувшей осенью ведущему «Телескопа» Дмитрию Крылову довелось столкнуться с итальянской мафией. Все мы — журналисты, приглашенные на халаву в круиз по Средиземноморью. — думали, что нам повезло. Но мальтийский лайнер «Леонид Собинов» оказался населен злыми официантками и «нашими маленькими шуршащими друзьями» (так Крылов назвал паромных тараканов, выступая на прощальном «капустнике»). Впрочем, честно говоря, эти мелочи (даже вкупе с атлантическими циклонами и балейскими штормами) не могли обломать впечатление от трехнедельного путешествия по всемирно известным курортам. Хотя Неаполь оказался городом, который с проклятиями будут вспоминать многие пассажиры теплохода под мальтийским двухцветным флагом. И самой именитой жертвой местных «бандитов» оказался создатель популярной ТВ-передачи о телевидении...

Москва. Комсомолец - 1991 - 31 дек.

ДВОРНИК МИНКУЛЬТА

КРЫЛОВ

«Я СНИМАЛ ПОЛИЦЕЙСКИХ»

— Расскажи, как все это произошло?

— Вообще, все это должно было произойти гораздо раньше. Я же вышел с утра снимать. Ходил часов пять. И начал забредать в такие улочки, такие районы! (Потом, когда вспоминал, у меня холодела спина). Там за мной была устроена небольшая охота (это я уже потом понял). В тот момент я предположил: некая игра, которую я сам себе придумал. Двое носились за мной на мотороллере, а я как бы скрывался, увертывался в переулочки. Как только они увидели мою камеру, у них лицо изменилось. В какой-то момент я потерял бдительность. Все-таки самый центр Неаполя — Виа Рома. Я как раз снимал полицейских. (У меня остался этот последний кадр: они шли ко мне спиной). Я наклонился к камере и не видел, что вокруг происходит.

— Почему тебе сломали камеру? Ты что, снимал какой-нибудь компромат против местных мотоциклетных мафиози?

— У бандита, видимо, рука соскочила с камеры, поскольку я ее очень плотно держал. Он выхватил то, что ему попало, — видеоискатель от камеры.

— А темно было?

— Нет. Где-то часов пять. Я начал снимать красивое место: загорелись витрины, огни, люди ходили. Этот парень как молния промчался мимо меня.

— Насколько помню, когда аналогичная ситуация произошла в Голландии с Молчановым (он лишился там камеры), то местные власти ему купили новую. При этом, что это — «Бетакам», камера, которая стоит по крайней мере сорок тысяч долларов.

— Мы пришли к дежурному полицейскому, и я ему об этом рассказал. Но он сделал вид, что не понял. Потом к нам пришел какой-то итальянец, представился мэром.

— Мэром города?

— Да. Сидел за столом, пел неаполитанские песни. Я ему сказал: «Раз ты мэр, то давай мириться». Но он тоже сделал вид, что не понял.

«С НЕВЗОРОВЫМ МЫ ПОРУГАЛИСЬ»

— Расскажи, откуда у тебя камера?

— Я ее купил в Лондоне, где я пробыл месяц. Это был самый счастливый период в моей жизни. Я поехал туда на фестиваль, меня пригласила советско-британская ассоциация (в Эдинбург).

— Ваш съезд с Невзоровым 20 августа породил множество слухов...

— Фестиваль официально проходил с 23 по 26 августа. А я поехал двадцатого, потому что была такая возможность. Вообще должна была очень интересная тусовка состояться. Были присланы официальные приглашения Леониду Петровичу Кравченко, Познеру, Подниексу, Невзорову, мне... 23-го в аэропорту, когда я вылетел из Лондона в Эдинбург, то увидел там Сашу Невзорова. Потом к нам присоединилась Галина Старовойтова, которая тоже как бы представляла советское ТВ. И когда мы пошли на самолет, то увидели ее. Саша сказал, что он не будет подходить. Но я уговорил. Он настроился как джентльмен. «Как?» — сказала Гали-

на Васильевна. — А мне сказали, что Невзоров застрелился. Это была милая шутка. Легкая пикировка продолжалась всю дорогу. Я, правда, тут же предложил: «Галина Васильевна, давайте, может быть, мы заключим перемирие на эти три дня». Она сказала: «Никогда». Невзоров тоже сказал, что не будет никаких перемирий: Старовойтова — такой левый человек, радикальный. А Саша — правый. Я — такое мягкое русское либеральное начало в середине этого жесткого бутерброда. Но потом, правда, мы с Невзоровым поругались-таки.

— А как к Невзорову относились англичане в контексте его заявления в поддержку путча?

— У них действительно был искренний к нему интерес. Он сказал: «Я был счастлив в первые моменты, до тех пор, пока не понял, что все это туфта и что это никакой не путч, что это никакая не революция, потому что это был фарс, который разыгран демократами. Все это сговор, спектакль». Никто (во всяком случае, на

британском телевидении) такого еще не говорил. Он стал приводить аргументы, многие из которых были более чем убедительны.

— У тебя возникли какие-либо трудности с выездом? 20 число — это кульминация путча, такой день, когда было совершенно не ясно, куда качнется маятник. Просто никого из страны не выпускали в тот момент.

— Я был готов к самому худшему. У

Комплекс вины: «не был на баррикадах», конечно, во мне существует. Потому что 19 числа, когда я решал ряд организационных вопросов, видел, как Володька Молчанов шел во главе колонны, с флагом или с камерой, не имеет значения сейчас. В этом смысле мне как-то было душевно неуютно. Когда я прилетел в Лондон, тут же ко мне подошел ожидавший меня корреспондент Би-би-си. Он меня спросил по поводу путча, естественно. Я сказал: «Это

правительство клоунов». И тем самым для себя отрезал путь назад. В тот момент. А потом он меня спросил: как ведет себя журналистский народ? Я сказал: «Народ безмолвствовал». Это действительно казалось так, потому что, когда я 19-го утром примчался на работу и узнал, что наш телецентр взят тридцатью десантниками, все ходили какие-то вздрюченные, нервные. Но именно в тот момент никто из нас не пришел и не положил заявление об уходе.

— Один человек положил, насколько знаю.

— Да, нашелся такой человек. Это Сережа Шумаков, зам. главного редактора киноредакции. Народ вовсе не безмолвствовал, как выяснилось.

«К АВГУСТУ НАС ГОТОВИЛИ С ВЕСНЫ»

— Ты обратил мое внимание, что 21 августа — это годовщина подавления Пражской революции 1968 года. Расскажи, как ты участвовал в оккупации братской Чехословакии.

— Служил в то время в армии, до- служивал третий год. Нас начали готовить к той августовской акции еще в апреле. Было учение, где мы должны были «отрабатывать переход границы дружественного государства». Я служил в Гродно. Там крупнейшие войсковые соединения находились. В то время я был освобожденным комсомольским секретарем. Старший сержант... И, когда 21 августа в четыре часа мы перешли границу, это была, конечно, абсолютная оккупация. Развороченный шлагбаум на границе, автомобили, сброшенные в кюветы (танки мчались с дикой скоростью). В этих малюсеньких городках и деревеньках — каменные дома и булыжные мостовые. Когда бронемашина несется на большой скорости, ее заносит — и дома были наполовину снесены. Когда я увидел 19 августа вечером на московских улицах танки и этих усталых солдат с прокопченными лицами, я сразу же вспомнил себя. Я был такой же. Только я входил в чужой город, и там на меня смотрели как на оккупанта. А здесь они входят — каково им? Я в тот момент как-то тоже их понимал.

«ПУПОК ИЗ ШНУРКА»

— Ты демобилизовался в 68-м году, и как ты дошел до жизни такой, что стал звездой?

— Моя необычность заложились 46 лет назад, потому что я родился в море, в самом буквальном смысле. Моя мать начала рожать во время шторма в катере, который не мог пристать к берегу. Поэтому спустили шлюпку с двумя мужиками. Гребцы пытались пристать к берегу, и она в это время разродилась. И эти два мужика приняли у нее роды, перерезали пуповину перочинным ножом, завязали шнурком от ботинка пупок.

До армии я работал шофером на «неотложке», очень плохо учился, меня еле вытаскивали за уши на аттестат зрелости. Помогло только то, что мои бабушки были учительницами. Еще до армии мечтал стать кинорежиссером. И в армии я усердно выписывал журнал «Искусство кино». А когда вернулся, я понял, что во ВГИК так просто не поступлю. Я пошел в театральную студию заниматься. И пошел ра-

ботать дворником. Куда б ты думал? В Министерство культуры! То есть моя театральная студия находилась в Министерстве финансов, при клубе Министерства финансов, а напротив, через дорогу, было Министерство культуры. У меня было какое-то амбициозное чувство, естественно, как у всякого дворника. Такой маленький хам. Я, например, дожидаясь, когда Екатерина Алексеевна Фурцева здоровалась первой со мной. Мел там метлой себе на улице Куйбышева. (Я проходил длительную проверку, потому что это же рядом с ЦК КПСС!) А потом я оттуда ушел помощником режиссера в концертный зал «Россия». Очень был удивительный человек — директор этого концертного зала Георгий Арестович Строев. Царство ему небесное. У него был друг — Саша Аскольдов (у которого тогда были очень большие неприятности после фильма «Комиссар», его исключили из партии, он находился в опале). Его Строев пригласил к себе — поставить спектакль, посвященный XXV съезду КПСС. Саша поставил, а потом они жутко разругались. По злой иронии судьбы, когда Георгий Арестович умер, Александр Григорьевич Аскольдов пришел на его место. И мне пришлось уйти оттуда. Правда, этому предшествовало мое выступление. Александр Григорьевич был депутатом. И его, как бы формально, мы должны были выдвинуть на каком-то митинге. А я тогда выступил и сказал, что вот он недостойный человек.

— Тебе после этого досталось?

— Да, ты знаешь, очень гнусно занималось этим делом КГБ. Я, кстати, вообще с этой организацией не имел никаких дел до этого. Они вызывали людей и беседовали с ними по поводу меня. Это все было очень противно. Я в тот момент был в очередном разводе (я нынче женат третий раз) и вступал в кооператив от работы. После этого злополучного митинга у меня эту квартиру отобрали. Ну, потом меня Задорнов как бы устроил на ТВ.

— А где тогда сам Михаил Задорнов работал?

— На эстраде. До этого он был руководителем театрального коллектива в МАИ. У него были связи на телевидении. Он говорит: «Я знаю, что там освободилось место редактора в «Литдраме». Я говорю: «Ну давай попробуем». Меня взяли редактором сразу на 190 рублей, что вызвало чувство жгучей ненависти людей, которые там проработали 20 лет и получали к тому времени 140. Меня взяли редактором на конкретную развлекательную программу под названием «Золотая рыбка». Я всех на это дело подбивал, но мне говорили: «Никогда в жизни на телевидении не сделать развлекательную программу!» Это был 83-й год. «У вас же там все вырезают!» Нашелся один, чудак, который согласился — Марк Розовский. Он стал и автором, и режиссером этой программы. Но «Золотая рыбка» оказалась весьма тухлой. Да, еще была такая злая рецензия на эту программу, которую написал молодой вологодский журналист Леонид Парфенов. Нынешний ведущий программы «Намедни». Мне было предложено уйти с телевидения. Тут на мое счастье у руководства появилась идея: «А вот не сделать ли нам рекламно-анонсирующую передачу, которая бы рассказывала о том, что зрители увидят». Ну, и решили, что по очереди все редакции это будут делать. Второй должна была быть литдрама. Мне предложили: «Вот такой есть шанс, хотите?» И я вложил в эту передачу все. И она понравилась. Я думаю, что она и зрителям понравилась, но в данном случае было важнее, что она понравилась руководству и, в частности, зампреду Попову Владимиру Ивановичу. И он сказал: «Пускай вот этот борода и делает ее все время». Ну, в общем за эти четыре года, пока я вел «Спутник телезрителя», я набил себе руку. А потом мне как-то это надоело. Я стал делать передачу «Телескоп», сам придумал ей такое название.

— Говорят, когда появляется передача о телевидении, это значит, что само ТВ уже как бы умирает. Как ты считаешь?

— Нет, я так не думаю.

— Честно говоря, я — тоже.

Беседу вел Евгений ДОДОЛЕВ.

Фото Александра АСТАФЬЕВА.